

В. Каминьски, Б. Новицка (Познань)

ПРОБЛЕМЫ ИДЕНТИФИКАЦИИ И ЧЛЕНИМОСТИ СЛОВ СО СВЯЗАННЫМИ КОРНЯМИ

Лингвист, работающий в вузе, вряд ли найдет в существующей теоретической литературе, оперирующей обычно ограниченным количеством наиболее показательного фактического материала, и тем более в учебной литературе определение связанного корня (СК), которое было бы руководством к действию в аспекте идентификации и членимости основ.

В целом языковеды сходятся в определении СК как входящего в непроеизводную основу, известного в составе основ родственных слов и неизменно выступающего в связи с аффиксами (*ул-иц-а, у-прек-нуть, марин-ад*).

Исконные слова со СК возникают в результате утраты словообразовательным гнездом **исходного** слова, имеющего свободную основу: *пал-ец – беспалый, бел-ка – беличий, вой-ско – во-ин, пт-енец – птица, со-вет – привет – завет – навет* (слова с общим значением коммуникативности); *со-суд – по-суда – суд-ок, скуд-н-ый – скудость, веж-ливый – не-веж-а, снять, привыкнуть, откупорить, добавить, сомкнуть, отворить* и т. д. Они могут представлять собою результат **ухода** из их смысловой сферы оставшихся в языке производящих: *обследовать – след, настроить – строить, праздник – праздный*. Особенно заметным является класс **заимствованных слов** со СК: *мариновать – маринад, энтузиаст – энтузиазм, суверенитет – суверенный, вибрировать – вибрация* и под.

Насколько нам известно, инвентаризации самих СК и аффиксов, которые могут выступать в исконных словах «разных частей речи, как привязанные к корню», не существует. Можно предположить, что они составляют лишь часть аффиксального банка, что есть аффиксы, которые выступают как словообразовательные (бесспорный пример – унификсы), а другие обнаруживают себя в основах и со свободным корнем, и со СК (*дуб-ок – цен-ок, прем-ировать – крем-ировать, с-тянуть – с-нять*). По мнению А. Н. Тихонова, высказанному во вступительной статье к словообразовательному словарю, слова со СК составляют 30% русской лексики [11, с. 18–52].

Проанализировав материал наиболее существенных исследований, прямо или косвенно относящихся к проблеме СК, к общим принципам членимости основ, сделаем попытку **расширить** характеристику слов со СК в плане их **идентификации** (в том числе и связь со смежным явлением опрощения), суммировать установки морфемного анализа с акцентом на форму основы и семантику корня в связи с соответствующими концепциями морфемного анализа.

I. По критерию Г. О. Винокура, слова со СК являются непроеизводными и идентифицировать их целесообразнее именно в этих рамках, хотя и на последующих деривационных шагах они, естественно, остаются связанными (*жр-ец* → *жр-еческий*, *транслировать* → *трансл-яция*).

СК известны в составе родственных в синхронии слов, однако само это понятие не для всех категорий слов со СК, как и вообще для прочих, не всегда очевидно: ср.: *фашизм* – *фашист* и *стать* – *отстать* – *пристать*. Проблема родства связана с объемом включенного для анализа материала. На периферии языка могут быть слова, которые меняют представление о структуре слова (например, диалектное *ляга* говорит не о связанном, а о свободном корне слов *лягушка* – *лягушачий*; техническое *заусенка* со сходным значением – о СК в слове *заусеница*). Важны также пределы синхронного среза лексики, включаемого в анализ (например, устаревшее *вития* свидетельствует о связанности корня в слове *витиеватый*, что подтверждается отдаленной связью со словами *вить*, *извитие*). Говоря о родстве слов в аспекте синхронии, часто проблематичном для исследователя, следует, однако, иметь в виду, что многие теоретики языкознания и философы считают корень константой всех связанных с ним своей формой слов: это вытяжка из известного семейства слов [8, с. 28]; «зародыш слова, который при варьировании совершает жизнь слова» [6, с. 27].

«Высвобождение» корня в результате нульсуффиксального словообразования на последующем деривационном шаге, по нашему мнению, не превращает его в свободный (*записать* – *запись*, *болеть* – *боль*) – для идентификации значимы словообразовательные отношения, направление мотивации (ср. *мысль* → *мыслить*).

Морфемный анализ основ не может быть ориентирован на словоформы. В словах со СК при словоизменении суффикс может усекается, следствием чего является алломорфность корня. Выделение

СК в словоформах (*звать* – связанный, *зову* – свободный; аналогично *писать* – пишу) и использование терминов «относительно связанный» и «относительно свободный», как в *Русской грамматике*–80, представляется в общем механическим [9, с. 128].

Слова со СК как бы соседствуют с явлением опрощения, поглощением аффиксальных частей и разрастанием корня, когда по исторической случайности в синхронии языка нет хотя бы еще одного родственного слова с тем же корнем и другими аффиксами, которое было бы основанием для выделения в анализируемой основе аффиксальной части (*скорняк*, *хижина*). Недостаточное внимание к имеющемуся родственному слову приводит к тому, что слова со СК относят к опрощению – например, в курсе словообразования В. Н. Немченко слова *включить*, *отворить* [7, с. 187].

II. Концепции, допускающие наличие структурной значимости при отсутствии или проблематичности семантической.

Парадоксальность устройства основ со СК, не входящих в правильные пропорции, не всегда вписывающихся со всей определенностью в живые, действующие, легко узнаваемые модели производных слов, но имеющих **видимые** прикорневые части (непроизводны, но имеют родственные слова), привела лингвистов к мысли о градации самой членимости для всех типов основ по степени определенности, осознанности сегментов носителями языка и исследователями.

Вероятно, первыми о градации членимости писали американские дескриптивисты, а на русской почве это явление получило название **степеней членимости основ**. Думается, что эти исследования не потеряли актуальности для специалистов по морфемике. О семантически неполноценных квадратах, в которых возможно параллельное варьирование морфов и поэтому возможно сегментирование, несмотря на то, что варьирующимся морфам нельзя приписать определенного значения, писал Д. Гринберг [4, с. 83]. Г. Глисон тоже отмечал, что при неясности одной части, но при наличии параллелей и противопоставлений у другой членение возможно, но оно не так точно [2, с. 121]. Российские лингвисты по-разному моделировали степени членимости основ, изолируясь в обосновании того или иного решения: от прозрачной словообразовательной членимости через условные, дефектные морфы – к полной нечленимо-

сти (схемы М. В. Панова, И. А. Мельчука, Н. А. Янко-Триницкой, А. И. Смирницкого, Е. А. Земской). Однако распределение материала по членимости объединяет одна общая черта: стремление генерализовать схему, построенную на ограниченном показательном материале, минуя множество других, может быть, частных случаев, и известная бескомпромиссность. В части СК много зависело от того, как, в каком объеме они понимаются.

Наиболее основательными в этом отношении являются работы Е. С. Кубряковой. В ее статье, посвященной статусу морфем и квазиморфем [5, с. 13–25], в обосновании слов со СК, занимающих особое место на шкале членимости, можно выявить ряд методологических допущений, ряд принципиальных положений. СК определяются как части непроеизводных слов, основы которых **стереотипны** по морфологической, но не словообразовательной модели. Форма и смысл в них не параллельны, части не несут фрагментов информации, поэтому и корень, и прикорневые части являются **квазиморфемами**. Аффиксы именуются также маркерами и субморфами. Слова со СК выстраиваются в ряды, объединенные общностью элемента, корня, хотя семантическое тождество корней автор в общем ставит под сомнение. Повторяемость, а особенно фреквентность хотя бы одного морфа являются залогом формальной дефектной, семантически ущербной членимости. Заметим, что слова типа *эгоист* – *эгоизм* ущербны только в отношении производности, а ущербность семантическая сомнительна. Существенно в концепции Е. С. Кубряковой развитие положения о взаимоинтерпретации морфем: смысл и вычленимость одного сегмента позволяет вычленить второй, даже при «пустоте» значения, и слово приобретает черты производности (Г. Глисон остроумно отметил: «нет дыма без огня») [2, с. 128]. Отчетливая разложимость формы – залог членимости. Неясность значений частей целого не препятствие для сегментации, если в структурном соотношении эти части выделяются в соответствии с правилами живого морфемного членения. Несводимость целого к значению компонентов – это обычное явление фразеологизации словообразования (антиномии кода, т. е. слова, и текста, лежащего в основе словообразования во многих моделях). Такое членение может и не повторять словообразовательного типа, может не соответствовать истории слова и его реального строения. Таким

образом, Е. С. Кубрякова считает возможным умозрительно перейти к структуре содержания через структуру выражения.

III. Концепции членения основ с доминантой реальной или потенциальной значимости частей.

А. Н. Тихонов во вступительной статье к *Словообразовательному словарю русского языка* пишет о том, что для сегментации слов со СК важна не их отчетливая формальная разложимость (она сигнал для идентификации СК), не только парадигматическая противопоставленность (смена аффиксальных частей и повторяемость корневой части). Важнее всего поиск реального или возможного, потенциального значения аффиксальной части, т. е. ориентация на «образ» словообразовательного класса. Установка на взаимообусловленную значимость частей основы прослеживается в работах А. Д. Зверева [3, с. 212–213]. Анализируя глаголы с корнями, связанными с приставками, автор исходит из того, что в этом случае смысловая роль префикса важнее неполноты значения корня, и строит исследование на аналогии с соответствующими производными (*стянуть* – *стащить*), на синонимии и антонимии прикорневых частей (*прибавить* – *убавить*, *снять* – *поднять*).

Разделяя мнение А. Н. Тихонова, широко понимающего объем слов со СК, считаем возможным говорить о разной степени членимости внутри массива таких слов, о «скольжении», некатегоричности в определенных случаях морфемного анализа. Одни из основ, особенно иноязычные, легко и массово при тождественности корня приравняются к образу словообразовательного класса (*комик* – *сатирик*: *комедия* – *комик*, *сатира* – *сатирик*). В других даже при тождестве корня эти связи лишь мерцают (*птица* – *птенец*, *утка* – *утиный*, *палец* – *напалок*) – только ассоциация с предметным значением. Образ класса можно выявить и на уровне соположения и повторяемости в кругу таких же непроемных слов со СК. В частности, А. Н. Тихонов тематические гласные глаголов, лишённые значения, выделяет в особую группу (*братъ* нельзя сравнивать с *охать*, *вертеть* – с *белеть*, *губить* – с *веселить*). Они играют структурную роль классифицирующей функции. В случае значимости частей предпочтительнее термин «несловообразующий аффикс», в других – «сегмент» (в школе А. Н. Тихонова – «структема»).

Есть специальное понятие, позволяющее осмыслить структуру слов со СК. Это понятие лексического (корневого) гнезда слов, формально выводимых одно из другого, имеющих тождество корня лишь как точку в структуре общего содержания, лишь как «зародыш значения». Е. Л. Гинзбургу принадлежит категорически высказанная мысль о том, что структурой корневого гнезда является гнездо словообразовательное и возможно, что не одно (*лежать – надлежать – принадлежать*). Слова со СК, потерявшие вершину своего словообразовательного гнезда или не имевшие ее (*диктовать – диктант*), могут быть введены в словообразовательную модель гнезда, «образ», к которому они могут быть приравнены. [См. 1]. Теорию лексических (корневых) гнезд разработал и А. Н. Тихонов [10]. Гнезда называются лексическими в силу несловообразовательных отношений между лексемами (*стоять – предстоять, обладать – преобладать*) и возможности выделения в них лексических групп по значению (ср. *питать – воспитать, питать – пропитание*). В состав таких гнезд входят слова, имеющие свободный корень, но не вписывающиеся в семантику словообразовательной модели: *дева – девушка – девица; муж – мужчина – мужик – мужлан*. Толкование слов лексических гнезд через словообразовательное значение невозможно. Эти гнезда индивидуальны, неповторимы, часто уникальны и по отношениям слов в гнезде, и по причинам нарушения словообразовательных связей. Особенно обильны префиксальные глагольные лексические гнезда: *влечь – извлечь – привлечь; стать – отстать – пристать – заставить; стоять – предстоять – настоять; явить – объявить; ставить – пред- ставить* и огромное множество других. Разрушение словообразовательной мотивации («непонятное родство») приводит к единственной возможности их неформальной сегментации – на уже рассмотренных принципах возможной/невозможной семантизации частей при «поштучном анализе». Но сопоставление с живым словообразовательным гнездом в его последовательности и непрерывности, возможность сравнения с фрагментами других словообразовательных гнезд, выделение лексических подгрупп – все это увеличивает обоснованность сегментации.

Наличие в языке СК связано с феноменом словообразования – его гетерохронностью, наличием напластований разных эпох.

-
1. Гинзбург Е. Л. Словообразование и синтаксис. М., 1979.
 2. Глисон Г. Введение в дескриптивную лингвистику. М., 1959.
 3. Гринберг Д. Квантитативный подход к морфологической типологии языков // Новое в лингвистике. Вып. III. М., 1963.
 4. Зверев А. Д. О связанных и вариантных (усеченных основах) // Развитие современного русского языка. Словообразование. Членимость слова. М., 1975.
 5. Кубрякова Е. С. О типах морфологической членимости слова, квазиморфах и маркерах // Вопросы языкознания. № 2. 1970. С. 13–25; ее же: Основы морфологического анализа. М., 1974.
 6. Лосев А. Ф. Философия имени. М., 1990.
 7. Немченко В. Н. Современный русский язык. Словообразование. М., 1984.
 8. Потебня А. А. Слово и миф. М., 1989.
 9. Русская грамматика / Под ред. Н. Ю. Шведовой. М., 1980.
 10. Тихонов А. Н. Лексические и словообразовательные гнезда как единицы сравнительного изучения славянских языков // Теоретические и методологические проблемы изучения славянских языков. М., 1994.
 11. Тихонов А. Н. Словообразовательный словарь русского языка, М., 1985.